



*Все персонажи и события  
этой книги вымышленные*

## **Пролог**

Таких страшных снов, как сегодняшний, Ульяне еще видеть не приходилось...

Обычно кошмары были примерно одинаковыми: ее догонял кто-то неведомый, но пугающий до холода в груди, или он же ломился к ней в дверь, которую никак не удавалось запереть, а бывало, стрелял в нее, и Ульяна чувствовала, как пуля врзается в ее тело... То есть она всегда была жертвой. И никогда не проявляла агрессии — не нападала, не догоняла, не стреляла в ответ. Зато искусно уходила от преследователя: то взмывала ввысь, то становилась невидимой, то, как пресловутый кинематографический Горец, бессмертной...

Сегодня же ей приснилось, как она УБИВАЕТ!

Деталей Ульяна не помнила. Единственная картина, всплывшая перед внутренним взором после пробуждения, была такая: она держит в руке какой-то штырь, заносит его над лежащим на песке человеком и вонзает острие в несчастного...

Что было дальше, Ульяна вспомнить не могла, да и не старалась. Ей и так было жутко и крайне неприятно от осознания того, что она, пусть и во сне, вела себя столь кровожадно. Значит, дремлет где-то внутри

ее жестокость, хоронится злоба, таится тяга к убийству...

«Брр, — передернулась Ульяна. — Даже думать об этом страшно! Интересно, что сказали бы психологи, расскажи я им, с каким ледяным спокойствием в своем сне вонзала штырь в человека?»

Ульяна тряхнула головой, чтобы разогнать царапающие душу думы, и ощутила боль в виске. Только тут вспомнила главное: вчера она безобразно напилась, и кошмар мог ей присниться именно поэтому. Ранее она ни разу не надиралась до такой степени. И марихуаны не курила! А тут и то и другое. И как следствие — жуткий сон ночью, а утром головная боль.

Встав с дивана, Ульяна осмотрелась, желая отыскать сумку, в которой лежали таблетки. Спала она, как оказалось, на террасе, а вещи свои оставила в одной из комнат. Но сейчас там кто-то спит, и тревожить человека у Ульяны не хватило наглости. Поэтому решила достать анальгин в другом месте, а именно в автомобильной аптечке. Она вышла из дома и проследовала к стоянке. Там было припарковано несколько машин, но Ульяна направилась к конкретной, к старенькой «Ниве» — та точно не поставлена на сигнализацию.

Когда проходила мимо ворот, заметила, что те не закрыты: одна створка на месте, а вторая распахнута. Ульяна сделала шаг в ее сторону, чтобы прикрыть. Вообще-то в том не было необходимости, так как ворота выполняли всего лишь декоративную функцию: они были врыты в песок, а не прилажены к забору. Забора просто-напросто не было! А ворота имелись. И хозяин территории и дома очень просил, чтобы их закрывали на ночь. Как он говорил, для порядка.

Ульяна взялась за створку, чтобы прикрыть, но тут взгляд ее упал на валяющуюся за воротами кроссовку. Большого размера, почти новую, фирмы «Адидас». Выходит, не одна она вчера перебрала, кто-то даже пьянее был, раз кроссовку потерял.

Решив прихватить ее, Ульяна вышла за ворота.

Вышла и... будто вновь попала в свой кошмар!

Сейчас она видела почти то же, что в сегодняшнем страшном сне, — человека, лежащего на песке. Мужчину, с которым вчера выпивала и курила марихуану. И этот мужчина был мертв — его тело пронзено металлическим штырем...

Ульяна закричала. Да так громко, что пульсирующая боль в виске стала нестерпимой. Но даже крик не смог заглушить внутреннего стога: «Не приснилось! Я видела тот кошмар наяву! Нет, не так: я создала этот кошмар... Я убила человека!»

## Часть I

### *«Братство Ветра».* *За несколько часов до...*

#### Глава 1

Егор Баринов вел свой джип по мокрой дороге и матерился сквозь зубы. Дождь не прекращался уже вторые сутки, и, хотя на горизонте небо казалось светлым, он никак не мог достичь того места, где сухо и солнечно.

Егор раздраженно нажал кнопку магнитолы. По радио передавали сплошную попсу, а ему хотелось послушать что-нибудь приличное. «Роллингов», к примеру, или «Дип перпл». Егор обожал классику рока, но неплохо относился и к некоторым современным группам, к тому же «Слип ноту», почитаемому преимущественно подростками. Еще Егор с удовольствием слушал «Металлику» и «Нирвану», а также «Блер» и «Оэзис». Но в настоящий момент все радиостанции, будто сговорившись, передавали попсу, разбавляя ее длинными рекламными блоками и одними и теми же новостями. А диски Егор, как назло, дома забыл.

Настроение у Баринова было ужасное. Испортилось оно еще вчера. Сразу после того, как стало ясно, что контракта с итальянцами принадлежащей ему фирме не видать, хотя Егор очень рассчитывал на него все последние месяцы. Сотрудничество с «мака-

ронниками» могло поправить пошатнувшиеся дела, но вот не вышло...

Егор вчера даже не дождался конца рабочего дня, тогда как обычно засиживался в кабинете до позднего вечера. Ушел сразу после обеда, заехал в магазин, купил бутылку коллекционного шотландского виски и самой обычной селедки. Это был его бзик — закусывать изысканные напитки соленой рыбой. Да не семгой и не форелью, а именно селедкой. И не той, что продают разделанной и со специями в баночках или пластиковых упаковках. Егор всегда брал рыбу бочковую. Целую, непотрошеную. Потом сам отрезал голову и хвост, вычищал внутренности, снимал кожу, резал, посыпал кольцами лука и заливал нерафинированным подсолнечным маслом. Ел он селедку либо с мягким черным хлебушком, либо с вареной картошкой. Друзья, знавшие о его бзике, над Егором подсмеивались. Они сами были не против подобной закуси, но употребляли ее под водочку. А вот чтобы отличный скотч или не менее хороший коньяк заедать столь простецкой пищей... Это уж извращение какое-то! Но Егору было плевать на всеобщее мнение. Он любил селедку с картошкой, а остальное не имело значения.

Придя домой, Баринов откупорил виски, разделал селедку, подогрел уже готовую картошку в микроволновке и уселся перед телевизором — бухать.

Вообще-то Егор пил редко. Не до этого как-то было. Домой он возвращался поздно, а утром за руль, поэтому обычно либо совсем не употреблял спиртное, либо пропускал стопочку-другую коньяка. Но приблизительно раз в месяц устраивал тихие попойки. Ему это было необходимо, чтобы не сойти с ума от нервного перенапряжения. Напиваясь, он давал

волю эмоциям: мог со злости разбить тарелку о стену, пустить слезу, вспомнив об утратах, мог хохотать, как сумасшедший, при просмотре комедии или материться, слушая дурацкую юмореску. Хмельной, он звонил своим девушкам и кокетничал с ними так, как не позволял себе, будучи трезвым. Но если одна из них изъявляла желание приехать к нему, чтобы скрасить его одиночество, Баринов быстро сворачивал разговор и прощался. От секса, как и прочие мужчины в состоянии алкогольного опьянения, он не отказался бы, но ведь барышни только этим не ограничатся, будут приставать с разговорами, а то еще изъявят желание вместе принять ванну или ночевать остаться, а Егору нужно было одиночество. Не всегда, конечно, только в те редкие дни, когда он бухал.

В остальные же дни он не любил быть один. Поэтому имел кучу подружек, немалое количество приятелей и трех, но зато настоящих друзей. Последние, так же как и Егор, были членами клуба, носящего шутовское название «Ветродуйка». Его придумал основатель и лучший друг Сергей Ветер. Тот первым начал заниматься кайт-серфингом<sup>1</sup> и был единственным, кто посвятил этому жизнь. Ветер продал свой успешный бизнес, купил землю на берегу Азовского моря и построил там станцию. Для себя и друзей. Сначала к Ветру приезжали только самые близкие. Егор, Славка да Марк, те, с кем он дружил еще со студенчества и кого решил приобщить к кайтингу. Но потом они стали брать с собой еще кого-то, интересующегося новым видом спорта, и количество гос-

---

<sup>1</sup> «Кайт» в переводе с английского — воздушный змей, в кайт-серфинге или кайтинге он применяется в качестве движущей силы. (Здесь и далее примечания автора.)

тей росло. Через пару лет последователей у Ветра стало так много, что пришлось сделать свой сайт в Интернете и зарегистрироваться, чтобы налоговики не донимали. Название для клуба придумывали долго. Хотелось, чтобы оно было звучным и не пустым. Но как-то не шло. А единственное годное — «Братство Ветра» — Сергей категорически отверг. Сказал, слишком пафосно. А спустя какое-то время, глупо хихикая после трех затяжек «голландки», повелел именовать клуб «Ветродушкой». Все посмеялись, но согласились. А что? И звучно, и со смыслом... И без пафоса. На эмблеме клуба они для солидности поместили лишь две буквы — «В» и «К» (Ветер-Кайтинг) на фоне реющего змея и вздыбленной волны.

Вчера, когда Егор допивал бутылку вискаря, Ветер и позвонил. Слышно его было ужасно, ибо связь в их Ветродушке (так они именовали место, где стояла их станция, а на деле оно называлось Безымянной косой) была ужасной, но Баринов понял главное — завтра состоится внеочередное собрание клуба. У Марка какая-то невероятно радостная новость, и он жаждет поделиться ею с друзьями. Званы, естественно, не все члены клуба, только Егор, Слава да Бабуся. Последняя не была кому-то из них близкой родственницей (бабусей то есть). И пожилой женщиной тоже не была — ей еще не исполнилось и сорока. Звали боевую подругу Женей, и она носила фамилию Бабкина. Сначала ее называли Бабкой, но это звучало грубовато и как-то не вязалось с Женькой, очень приятной, мягкой, вечно опекающей своих друзей, поэтому ее нарекли Бабусей. Она не возражала.

— Ветер, ты меня извини, но я не приеду, — прокричал Егор в трубку, откуда раздавался сплошной



треск. — Я бухаю и завтра с утра не смогу сесть за руль...

Но Ветер то ли не расслышал его из-за помех, то ли сделал вид, что слова Егора потонули в треске.

— Барин, мы тебя ждем! — прокричал он и отсоединился.

Егор грязно выругался (трезвый он не выражался совсем), швырнул трубку за спину и глотнул вискаря прямо из горлышка. Когда алкоголь обжег горло, закинул в рот кусок селедки с прилипшим к нему колечком лука, ломтик хлеба, кругляш остывшей картошки и принялся яростно работать челюстями.

— Не поеду я никуда, — проворчал он, немного успокоившись. — Тащиться за триста километров неохота. Да и погода ужасная — все дни льет как из ведра, дорога ни к черту...

Стоило только произнести эти слова, как Егор понял, что точно поедет к Ветру. За триста километров по мокрой дороге.

Восемь лет назад именно на такой Баринов попал в страшную аварию. Его машина на бешеной скорости влетела в «Газель», погибли люди: два пассажира его автомобиля и водитель грузовичка, скончавшийся от потери крови на пути в больницу. Егор же отделался множественными переломами и сотрясением. «Болячки» быстро зажили, а вот от чувства вины и страха перед мокрой дорогой он до сих пор до конца не избавился. Первое же время Баринов совсем не садился за руль. Боялся. Не за себя — за других. Но через полгода заставил себя занять водительское место и тронуться. Ехал со скоростью тридцать километров в час. Ему протестующе сигналили те, кто двигался позади, кто-то кричал в окно «Чайник!», когда появлялась возможность его обогнать, но Егор не

ускорялся. «Тише едешь, дальше будешь!» — повторял он как заклинание и почти месяц передвигался исключительно медленно.

Но со временем осмелел и вернулся к привычной, быстрой, манере езды. А вот в дождливые дни еще год за руль не садился. Вызывал такси и ехал на заднем сиденье позади водителя, самом безопасном, внутренне замирая всякий раз, как машина входила в поворот.

Чтобы избавиться от этого страха, Егор даже к психологу обращался, но тот мало ему помог. А вот друг Славка Кравченко — да, помог. В дождливую погоду он приезжал к Баринову на учебной машине из автошколы (его брат работал там инструктором), вытаскивал Егора из дома, сажал за руль и заставлял ездить сначала по двору, затем по тихим переулкам, а впоследствии по шоссе. Зная, что в случае чего Слава остановит машину сам, Егор чувствовал себя спокойнее.

В итоге Баринов победил свой страх. Не до конца, конечно, но, по крайней мере, перестал быть рабом собственной фобии. И теперь ездил на машине в любую погоду, а в дождливую особенно часто — чтобы избавиться от страха окончательно.

Именно поэтому он сегодня ехал к Ветру... За триста километров по мокрой дороге, которая все не кончалась...

## Глава 2

Флаг «Ветродуйки» был виден издали — его водрузили на крышу станции, и сейчас он реял на ветру. Также Егор заметил в небе красно-черный кайт

Сергея. Друг, естественно, находился в море. Где же ему еще быть, когда так изумительно дует?

Сергея был из породы тех одержимых кайтеров, которые, проснувшись, первым делом идут не в уборную, а к окну, чтобы проверить, есть ли ветер. Если тот оказывался подходящим (со стороны моря), то о стандартных утренних процедурах он мог позабыть. И, натянув гидрокостюм, схватив кайт и доску, выбежать из дома и броситься в воду.

Сергей был таким не всегда. Еще пять лет назад Ветер совсем не занимался спортом, а уж об экстремальных его видах и слышать не хотел. Когда Егор звал покататься на горных лыжах, а Марк прыгнуть с парашютом, он крутил пальцем у виска и отправлялся с парой цыпочек и ящиком шампанского в сауну. Там Серега зависал часов на десять, потом, немного вздремнув после изнурительно долгого секса, ехал в ночной клуб. Под утро, держась на ногах лишь благодаря таблетке экстази, возвращался домой. Жена Лена встречала его молча — знала, что ругаться бесполезно: муж либо просто не услышит, свалившись на кровать и мгновенно вырубившись, либо разорется и разбудит сына.

Лена вышла за Ветра замуж, будучи еще студенткой — училась на последнем курсе института, который когда-то окончил Сергей. Они встретились на каком-то его юбилее. Красавица Лена произвела впечатление на Ветра сразу, а вот тот на нее нет. Тогда он был тучен и стриг свои красивые черные волосы так коротко, что были видны складки на жирном затылке. Но Ветер несколько из-за этого не комплексовал. Он знал — когда у тебя много денег, внешность неважна. Любая баба предпочтет его, толстого, вечно отекающего от перепоя миллионера, нищему красавчи-

ку. Да, Сергей был не прочь избавиться хотя бы от двадцати кило, но при его образе жизни сделать это было практически невозможно, а менять что-либо он не собирался. Поэтому оставался толстым. А Лене толстые не нравились. И она Сергея вежливо, но твердо отшила.

Ветер к такому не привык. До Лены все хорошенькие студенточки соглашались поужинать с ним, а после трапезы отправиться в шикарный загородный отель, где у Ветра имелся «свой» императорский номер. Лена оказалась первой, отказавшейся даже от похода в ресторан. Она встречалась со своим одногруппником (пареньком из какой-то деревеньки, хорошеньким и бедненьким, как Сергей потом выяснил) и не желала ссориться с ним из-за Ветра. Лена понимала, что она для него — «поточная» куколка, с которой состоятельный толстяк хочет переспать, чтобы доказать что-то самому себе. Другие, наивные, надеялись заарканить миллионера Ветра и стать если не его женой, то хотя бы постоянной любовницей. Но Сергей жениться не собирался (он уже был один раз женат, и ему хватило), а любовница у него имелаась. Сорокалетняя дама, политический обозреватель, умница. И хоть не красавица, но женщина эффектная и холеная, с которой не стыдно появиться в приличном обществе. Не то что с двадцатилетней дурочкой. С такой только в баньку да императорский номер. В их кругах давно прошла мода на модельных барышень. Теперь состоятельные мужчины приводили с собой на официальные рауты балзаковских дам с высоким уровнем интеллекта, прекрасными манерами и широким кругозором.

Но Лена Ветра «зацепила». Поэтому он принялся за ней ухаживать с таким пылом, что девушка все же

сдалась. Тут бы Ветру и успокоиться, но он сам себе удивился, поняв, что относится к Лене не как к очередному трофею, а питает к ней весьма серьезные чувства. Когда стало ясно, что девушка беременна, Ветер сделал ей предложение.

Они поженились весной. Была шикарная свадьба, затем романтическое путешествие в Париж. Диплом Лене писать было некогда, и она хотела взять академический отпуск, но Ветер заплатил кому надо, и его супруга получила документ об окончании вуза вместе со всеми. Ему была нужна жена с высшим образованием!

Лена родила в положенный срок мальчика. У Сергея имелась дочь от первого брака, Катюша, но он с ней совсем не виделся. Бывшая жена сразу после развода уехала в Канаду и забрала девочку с собой. Теперь Катюша откликалась на имя Кэт, говорила по-английски лучше, чем по-русски, а папой называла нового супруга мамы, богатого старикашку Билла. Так что появлению ребенка, а тем более сына, наследника, Ветер очень обрадовался. Так обрадовался, что три дня отмечал сие событие и чуть не забыл забрать новорожденное чадо и жену из роддома.

С ребенком Ветер супруге совсем не помогал. Считал, что дает ей достаточно денег, чтобы она наняла в помощь няню, а коль не желает этого делать, то это ее проблемы. Как и то, что Лена не хочет секса. Нет, понятное дело, что сразу после родов ей было не до постельных утех, и Сергей относился к ее холодности с пониманием. Изменял жене очень аккуратно, чтобы та ничего не заподозрила. То есть домой со свиданий возвращался вовремя и без следов губной помады на рубашке. Но когда сыну исполнилось два месяца, а Лена все продолжала держать его

на расстоянии, Ветер стал проявлять признаки недовольства. Теща, каждодневно навещавшая дочь и внука, заметив это, провела с дочкой беседу, и Лена соизволила супругу отдалась. Но сделала это с таким скорбным видом, будто приносила себя в жертву.

На следующий день Ветер пришел домой с пятичасовым опозданием. Он был пьян и вонял женскими духами. Лена устроила скандал и принялась демонстративно собирать вещи. «Если сейчас уйдешь, то больше не вернешься, — хмуро проговорил Сергей. — Так что подумай...» После чего свалился в кровать прямо в одежде и захрапел. А Лена подумала, подумала, да и осталась.

Со временем их сексуальная жизнь более-менее наладилась. Но мужчине, привыкшему за годы холостой жизни к разнообразию, было скучно оставаться верным и примерным семьянином, то есть вечерами смотреть телевизор или ходить в театр, по выходным гулять с женой и сыном в парке, в отпуск ездить не в отвязный Амстердам и безбашенный Рио, а в благопристойный Баден-Баден или романтическую Венецию.

И стал Ветер постепенно возвращаться к своим старым привычкам. Сначала просто раз в неделю уходил в загул, потом приноровился на выходные уезжать в загородные клубы, а затем обнаглел окончательно и в отпуск отправлялся один или с любовницей.

Лена терпела. Из-за сына. Да и сама к безбедной жизни привыкла, ведь супруг в деньгах ее не ущемлял. Давал, сколько бы ни попросила. И подарки царские делал. Понятно, что откупался, но Лена старалась об этом не думать. Ей нравилось ездить на дорогой машине, носить бриллианты, шубки из норки

и соболя, привычно посещать модный салон красоты, одеваться в дизайнерские вещи, перекусывать не в «Макдоналдсе», а в итальянском ресторане. Но кто бы знал, как она страдала из-за выходов мужа! Лене едва исполнилось двадцать пять, она хотела быть любимой и единственной, мечтала о том, чтобы муж был с ней нежен и ласков, как раньше, надеялась, что Ветру надоест таскаться, и они заживут как все нормальные люди...

Пока в Лене теплилась надежда, она терпела мужа. И мать ее в этом поддерживала. «У него, дочка, кризис среднего возраста начался, — говорила умудренная жизненным опытом женщина, тяжело вздыхая. — Ты подожди, скоро это пройдет. У всех мужчин так бывает. Вон сосед наш, Мишка Седов, всю жизнь нормальным был, а как сорок стукнуло, будто с ума сошел: обрился под ноль, проткнул ухо и нос, купил мотоцикл и байкером стал. А брат мой, дядя твой... в сорок два бросил хорошую работу и в геологи подался. С детства, сказал, об этом мечтал. У твоего папы тоже кризис среднего возраста был. В свои тридцать восемь лет чуть к твоей ровеснице от нас не ушел. Думал, таким образом молодость свою продлит. Но ничего, перебесился... И твой перебесится!»

Лена ждала. А Ветер все бесился и бесился. На свое тридцативосьмилетие улетел с друзьями на Мальорку. Сказал — на неделю, а вернулся только через две. И не из Испании, в которой ему быстро надоело, а из Таиланда, где обожал бывать по причине, понятной всем любителям секс-туризма. В качестве подарка привез оттуда венерическую болезнь. И радовался, что не СПИД или гепатит. Но, вылечившись, Ветер продолжал в том же духе.

О том, что жена, забрав сына, ушла от него, Сер-

гей узнал только на третий день. В пятницу позвонил Лене, сообщил, что на выходные летит в Москву на переговоры (на самом деле в Сочи с двумя модельками), и, не дослушав лепет супруги про обещание сходить в субботу всей семьей в цирк, отсоединился. В понедельник он вернулся в город. Побывав на работе, поехал домой, чтобы отоспаться. В квартире никого не было, но Сергея это не удивило. Мало ли куда жена с сыном могли уйти. Небось в тот же цирк! Ветер завалился спать и проснулся за полночь.

Решив, что домашние уже спят, встал и пошел в детскую, чтобы чмокнуть сына. Он его редко видел и не всегда вспоминал о том, когда у ребенка именины или в детском саду (элитном, естественно) утренник, но любил своего мальчишку. Если б тот, к примеру, тяжело заболел, Сергей, не раздумывая, продал бы все, что имел, лишь бы вылечить ребенка. Он дарил ему невероятные машинки, отправлял вместе с Леной и тещей в Диснейленд, покупал домашних животных: собачку, попугаев, шиншилу. Одним словом, все, что продавалось за деньги, сыну давал. Но только не свое бесценное внимание...

Ветер недоуменно моргнул, не обнаружив сына в кровати. Он не разрешал жене брать ребенка с собой в постель, даже если тот болел. Трехлетний мальчик не должен спать с мамой. Пусть настоящим мужчиной растет, а не неженкой. От рафинированности до гомосексуализма, по мнению Ветра, всего один шаг, а голубых он терпеть не мог.

Сергей влетел в спальню, чтобы устроить жене нагоняй, но кровать оказалась пустой. Шкафы, дверки которых были распахнуты, тоже. Ветер щелкнул выключателем, и, когда свет озарил помещение, с удивлением его обозрел. Одна мебель! А вещей поч-



ти нет. Ни Лениных, ни детских. И любимое зеркало жены — антикварное, которое он подарил ей на какой-то праздник, — с трюмо исчезло. «Неужто Ленка все же ушла? — обалдело подумал он. — Но как решилась? Ведь я же предупредил... Вот дура!»

Ветер подошел к стоящему на тумбочке телефону и набрал номер родителей жены. Когда трубку взял тесть, без приветствий бросил:

— Лена у вас? Позовите.

Услышав ее тихое «алло», прорычал:

— Я не понял, ты что, ушла от меня?

— Да, — ответила она.

— Хорошо подумала?

— Да. — И после паузы, уже не так бесстрастно добавила: — Сколько же можно, Сережа? Я не железная терпеть все это. Если ты пообещаешь, что закодируешься и пойдешь со мной к семейному психологу, то я...

— Что ты? — насмешливо спросил Ветер.

— Вернусь.

— Детка, тебя предупреждали: если уйдешь, то навсегда. Ты меня знаешь, я своих решений не меняю.

— Какой же ты... — Лена не смогла договорить, заплакала.

— Алкаш и психопат, раз меня кодировать надо и к врачу вести?! — заорал Сергей, выйдя из себя. — Ребенка привези завтра, повидаюсь с ним. Остальное решим в суде. Все, чао!

И бросил трубку. Да не на рычаг, а в стену. Пластик треснул, осколки разлетелись в разные стороны. Ветер, пронаблюдав за их полетом, развернулся и пошел в ванную, чтобы принять душ перед походом в ночной клуб.

Развели супругов с первого раза. Ветер обязался

платить алименты, а Лена, в свою очередь, не препятствовать его свиданиям с сыном.

Выйдя из здания суда, Сергей сел в машину и влил в себя сразу стакан коньяка. Закусив спиртное мятной таблеткой, велел водителю ехать в загородный клуб, куда уже были вызваны две элитные проститутки. Правда, в тот день у него ничего не получилось. Он напился так, что даже умелые гетеры не смогли реанимировать его мужское достоинство. Кстати, такое в последнее время случалось с ним все чаще. Раньше он оставался мужиком даже тогда, когда едва держался на ногах. Теперь же сбои происходили и «по трезвяку». Сергей уже и стимуляторы потенции перед сексом принимать начал, а пару раз пришлось даже «Виагру» пить. Но в день развода ничего подобного под рукой не оказалось, и Ветер всю ночь изливал проституткам душу, тогда как должен был использовать их совсем по другому назначению.

Утром, проспавшись, Ветер все же смог заняться сексом, но он не принес ему ожидаемого удовольствия. Как и вино. Как и косяк. Как и борьба обнаженных проституткок в грязи (для чего администратору клуба пришлось спешно ее искать — клиент платил). Как и их любовные игры после этого...

Ветер всем пресытился. Ему было тошно.

Но самое ужасное, что причина этого крылась не в крахе семьи. Он и не расстроился особо, когда жена от него ушла. Испытал чувство досады, и только. Скучать он стал задолго до развода. Потому и пускался во все тяжкие. Женился тоже поэтому. Думал, если появится семья, он ощутит интерес к жизни. Но жизнь так и оставалась пустой...

Когда Ветер был молодым и бедным, жить было интересно. Нужно было всем доказывать, в том чис-

ле и себе, что ты чего-то стоишь. Отвоевывать место под солнцем. Ставить неосуществимые на первый взгляд цели и добиваться, добиваться их...

Взять тех же женщин. Когда у тебя в кармане пятьдесят долларов и ты едешь на подержанной «восьмерке», добиться понравившейся барышни ох как сложно. Но тем и интересно! А стоит подкатить на тачке за три лимона и напоить шампанским стоймостью как та «восьмерка», девицы сами заманивают тебя в постель... Скукота!

Когда после развода прошло полгода, Ветер дал другу Егору уговорить себя съездить в горы и отправился с ним на Домбай.

К тому моменту он уже не знал, чем себя развлечь, и от смертельной скуки едва не подсел на кокаин. Баринов, узнав об этом, дал Сереге в морду. Прямо в его кабинете. Увидел, как Ветер достает заветную коробочку, размахнулся и врезал кулаком в скулу. Он был ниже Сергея, но мускулистее, и летел глава концерна «ВетерОК» через весь кабинет, сметая стулья из красного дерева и фарфоровые напольные вазы, пока не врезался в стену.

— Охренел? — заорал Ветер. — Я сейчас охрану вызову, придунок!

— Да заткнись ты, — мирно проговорил Баринов. Затем взял коробку с коксом, прошел в туалет и высыпал порошок в унитаз. Вернувшись в кабинет, командовал: — Поднимай свою толстую задницу, со мной поедешь!

— Никуда я с тобой не поеду, понял? А вот ты у меня сейчас...

— Серег, хватит, а? Ну не могу я смотреть, как ты себя гроишь. У тебя двое детей, о них подумай...

— Не волнуйся, Барин, моих денег двадцати двум детям хватит!

— Если превратишься в наркомана, не факт, что они останутся... Это я о деньгах.

Егор подошел к Ветру, который все еще сидел на полу, и протянул ему руку. Сергей несколько секунд хмуро смотрел, потом хмыкнул и вложил в нее свою ладонь.

Через час они ехали в сторону Карачаево-Черкессии, в Домбай.

На сноуборд Ветер не встал, а взгромоздился. Егор не позволил ему выпить для храбрости, и Сергей не столько катил (по детской трассе), сколько падал. Ему было страшно и неудобно. Неповоротливое тело не слушалось, а расшатанные нервы не могли обеспечить должной сосредоточенности. К тому же нестерпимо хотелось выпить. Но Барин не давал. Говорил: тут, как за руль, пьяному нельзя. Вот Ветер и мучился. Но когда Барин немного ослабил контроль, Сергей тут же раздобыл фляжку коньяка и принял залпом сто граммов. Дело сразу заладилось — он смог одолеть детский спуск и даже попробовал себя на взрослом, для начинающих.

На следующий день Ветер не мог подняться с кровати. Болело все тело, а физиономия сгорела на горном солнце так, что напоминала свеклу. Но Сергей преодолел себя — поднялся. Уж очень ему хотелось спуститься с одного склона, который еще вчера приметил: пологий, ровный, а главное — на нем никого. Внизу же такая красота невероятная! Девственный снег и похожие на помпоны запорошенные кустарники. О своем намерении Егору он не сказал. Наврал, что идет на тот, для начинающих, а сам рванул к заветному...

С доски Ветер упал не сразу, секунд через десять. Пологий и гладкий на первый взгляд склон оказался убийственной трассой для самых безбашенных экстремалов (таковых не нашлось в те дни, потому там и было пусто). Свалившись, Сергей катился кубарем бесконечно долго, пока не врезался в ствол одного из кустов-помпонов и не потерял сознание. Отыскали его только через полтора часа. Подняли наверх, увезли в больницу. Баринов, сопровождавший его, чуть не умер от беспокойства. Затащил, понимаешь, друга в горы и не проследил, чтоб тот не совался, куда не надо...

Но оказалось, Ветер отделался лишь переломом руки и легким сотрясением мозга. Полежав в больнице, а затем в санатории, Сергей вернулся на трассу. Теперь у него появилась цель — преодолеть не покорившийся ему склон. На это ушло три месяца. Ветер, естественно, не жил в Домбае, проводил там только трое суток, а двое дома и на работе (к счастью, его бизнес был настолько отлажен, что постоянного присутствия хозяина и руководителя не требовал), столько же уходило на дорогу туда и обратно. Причем рулил Сергей сам. Не хотелось от кого-то зависеть, пусть даже от своих служащих, да и вождение оказалось приятным делом. Врубишь музыку, жахнешь энергетического напитка и шпаришь по трассе на предельной скорости. Особенно здорово, когда в компании: с Егором, с сыном (он и его брал пару раз) или с телочкой. Можно погорланить песни, поржать, сделать привал в каком-нибудь живописном местечке. Встреча с инспектором ГИБДД тоже своего рода развлечение. Ветер уж и забыл, как это — договариваться и взятки давать...

Трассу для отороженных экстремалов Сергей

осилил к весне, когда снег уже начал подтаивать. На склонах почти никого не осталось. Даже Егор, заядлый сноубордист, решил, что надо закругляться, и больше компанию Ветру не составлял. Сына Лена увезла в Турцию. А телочки как-то не к месту пришли. Не до них Сергею было! Накатаешься, поешь и побыстрее спать, чтоб утром огурцом встать и вновь в горы. В общем, вышло, что порадоваться за него некому было. Но это и не имело особого значения — Ветер за себя сам радовался. А когда в баре отмечал победу (по этому случаю пили все присутствующие, Сергей угощал), он вдруг с грустью подумал о том, что сезон заканчивается. Через пару недель уже не покатаешься. И что дальше? Возвращаться к прежней жизни? К бухлу, девочкам, загулам? Или ждать, когда вновь наступит зима? А может, мчаться в те широты, где еще лежит снег? Пожалуй, последнее предпочтительней. Кстати, Сергей избавился не только от смертельной скуки, но и от своей зависимости от алкоголя и секса. А еще он похудел! На те двадцать килограммов, сбросить которые мечтал последнее десятилетие. Но вообще-то нужно было скинуть еще десяток...

Ветер серьезно задумался. Водка в глотку не лезла, и он ушел к себе в номер. Там, открыв компьютер, стал бродить по Интернету в поисках заманчивых предложений. На одном из специализированных сайтов для экстремалов наткнулся на незнакомое слово «кайтинг». Зная, что «кайт» в переводе с английского означает «воздушный змей», он стал читать о новом для себя виде спорта.

«В кайтинге воздушный змей применяется в качестве движущей силы, которую используют как для передвижения по земле, так и по воде. Причем вы-

бор средства передвижения не ограничен. Это могут быть сноуборд, горные лыжи, ролики, кайтборд для катания по воде. Кайты специальной конструкции несут вас с потрясающей силой, поэтому незабываемые ощущения гарантированы каждому, кого они серьезно заинтересуют».

Далее следовали фотографии. На них были запечатлены парни и девушки, мчавшиеся на досках кто по горному склону, кто по морю. Над их головами реяли разноцветные воздушные змеи. Смотрелось удивительно красиво! Особенно впечатлили Ветра морские фотографии. Они так и дышали свободой: огромное водное пространство, лети куда хочешь (это тебе не горный склон), взмывай высоко и падай не на твердую породу, припорошенную снегом, а в воду...

Сергей почувствовал небывалое волнение и азарт. Ему захотелось попробовать себя в кайтинге. А еще проверить, так ли все захватывающе, как кажется.

Уже на следующий день он прилетел в Хургаду, где в одном из пятизвездочных отелей была открыта кайт-станция, при которой имелась школа.

Базовый курс Ветер прошел за несколько дней и встал на доску. Без падений, естественно, не обошлось, и первое время он больше проводил в воде, чем на борде. Но когда освоился и смог не только прокатиться, но и чуточку подпрыгнуть, ощутил такой дикий восторг, что перед ним меркло все, включая удовольствие от секса, пищи или алкоголя. И даже наркотическая эйфория не шла в сравнение с той, что он испытал, когда пронесся по водной глади, оторвался от нее и стал тем, кем считался почти сорок лет — Ветром.

В Россию Сергей вернулся только затем, чтобы

передать право первой подписи своему заму и пови-  
дать сына. После чего вернулся в Египет, где пробыл  
до лета, осваивая сначала простые вращения и трю-  
ки, а затем сложные. Ветер так увлекся кайтингом,  
что все остальное перестало его интересовать. Даже  
не завел ни одного романа, хотя барышни вокруг не-  
го роем вились. Он еще сильнее похудел, и теперь  
его тело можно было смело назвать идеальным. А са-  
мочувствие — отменным. И от скуки следа не оста-  
лось.

Ветру понадобилось всего два месяца, чтобы при-  
нять главное в жизни решение...

Бизнес свой он продал. Денег выручил много: не-  
сколько миллионов долларов. Большую часть поло-  
жил в банк, чтобы проценты бежали и детям наслед-  
ство осталось, а остальные бабки ушли на покупку  
земли (место он нашел удивительно удачное: песча-  
ная коса закрывала его от волн, но не ломала ветра),  
постройку кайт-станции и дома при ней. Еще Сергей  
арендовал в Египте квартиру на берегу Красного  
моря, чтобы зимой было где останавливаться. Теперь  
кататься со змеем на лыжах или сноуборде он не хо-  
тел. Только по воде!

### Глава 3

Егор подкатил к бунгалу, в котором Ветер при-  
нимал гостей (когда никого не было, он спал в гамаке  
на станции, оттуда можно было быстрее попасть на  
пляж), и отметил, что явился первым. Больше на сто-  
янке машин не было, только мотоцикл Ветра. Выгру-  
зив вещи, Егор перенес их в дом. Затем, натянув гид-  
рокостюм и взяв борд с кайтом, направился к морю.



— Ветер! — прокричал он, махая руками. — Ветер, ау!

Но Сергей его не слышал. И не только потому, что крик Егора отнесло в сторону. Просто Ветер, запрыгнув на кайтборд, становился глухим, немым и почти слепым — видел только то, что необходимо видеть, дабы удержаться на доске.

Баринов хмыкнул. Иного он от друга и не ожидал, так что зря глотку драл.

Надув свой кайт и расправив стропы, Егор двинулся к кромке воды. Плохое настроение улетучилось, едва он приехал на «Ветродуйку». Погода тут стояла изумительная, пусть не солнечная, зато дождя не было, а ветер дул так, как надо: сильно, но ровно, не порывисто. Он, в отличие от Сереги, не любил с ним бороться, а предпочитал иметь его в союзниках.

Когда Баринов угнездился на доске, друг, сделав сальто, неудачно приводнился. В этом был свой плюс — он наконец заметил Егора.

— О, Барин, салют! — сплюнув морскую воду, прокричал Сергей. — Приехал, значит? Молоток!

Последнее слово Егор еле расслышал, потому что начал движение. А уже через пару секунд неся к горизонту, поднимая бордом тучи брызг.

Он долго катался, ощущая, как из тела уходит тяжесть, скопившаяся за время пути, и из головы улетучиваются дурные мысли. Если бы не стих ветер, он задержался бы в море дотемна. Но дуть стало слабее, и Егор был вынужден закруглиться.

Когда он вышел на берег, оказалось, что в беседочке, расположенной между станцией и домом, где было оборудовано нечто похожее на чайхану, уже раскурен кальян, и трубки держат в руках Марк и его девушка Диана. Завидев Баринова, первый радо-

стно заулюлюкал, вторая меланхолично кивнула. Она была скупа на эмоции почти так же, как Егор, которого подчиненные за глаза называли Сфинксом.

— Привет, — поздоровался с ними Егор. — Давно приехали?

— Только что, — ответил Марк, поднявшись и пожав другу руку. — А Бабуся тут уже час.

— И где она?

— Ясно где — на кухне. Увидела продукты, что мы привезли, уничижительно фыркнула и отправилась в дом кашеварить.

— Ясно. — Егор стянул с торса верх гидрокостюма и ощутил прохладу. — Пойду сполоснусь и оденусь. Скоро вернусь.

— Ага, давай. И Ветра поторопи. Выпить уже охота, а Дианка, как ты знаешь, в этом деле не компаньон.

Егор знал: Диана во многом для него оставалась темной лошадкой, но, что она совсем не употребляет алкоголя, выяснилось сразу при знакомстве. Тогда Баринов, уже изрядно поддавший, протянул ей пластиковый стаканчик с шампанским и потребовал выпить с ним на брудершафт, а то он, видите ли, иначе не может обращаться к женщинам на «ты». Диана ответила:

— Значит, придется тебе ко мне на «вы» обращаться, потому что я не пью.

Егор так и делал до тех пор, пока не выкурил с Дианой один косяк на двоих. После чего оба решили, что это почти брудершафт.

Баринов ушел в дом. Принял душ, оделся в спортивный костюм и прихватил с собой еще ветровку. Ночами весной тут бывало прохладно, а они, без сомнения, засидятся часов до трех.

— Барин! — долетел до него зычный глас Ветра. — Барин, ты где?

— Тут! — откликнулся Егор и вышел из комнаты.

— Славка, похоже, приехал. Пошли, встретим!

Баринов шагнул к окну и выглянул на улицу. Так и есть, Славка Кравченко приехал. Только у него был джип такого ужасающе оранжевого цвета, да еще и с языками пламени по бокам.

Егор, когда впервые увидел машину, не смог сдерживать эмоций — расхохотался. И спросил, где эдакое чудо друг умудрился приобрести.

— Спецзаказ, — самодовольно хмыкнул Славка. — В автосалоне одно и то же: черные, белые и серебристые. Такая скука! Ну я и отогнал тачку сразу после покупки в известную мне мастерскую... Там креативные ребята работают, бывшие мастера городского граффити, вот они и постарались... Нравится?

— Безумно, — хмыкнул Егор.

И вот сейчас плод креатива вкатил на стоянку. Рядом с черным внедорожником Егора, темно-синим универсалом Марка и серой «Нивой» Жени он казался жар-птицей в стае галок. Баринов впервые подумал, что Славка не зря перекрасил машину. Внимание она к себе привлекает, а Кравченко всю жизнь именно к тому и стремился.

— Батюшки мои... — донеслось до слуха Егора.

Голос был женским. Это означало, что Бабуся закончила свои кулинарные изыскания и скоро начнет всех кормить, а то во время готовки от нее слова нельзя было добиться. И мешать ей категорически запрещалось.

— А Славка-то не один, а с дамой!

Егор уже и сам видел, что Кравченко привез с собой очередную подругу. У него их имелось столько,

что упомянуть всех никто из друзей не пытался. Егор был почти на сто процентов уверен: и на сей раз Славка приехал с новенькой.

— Эй, хозяин! — зычно прокричал Кравченко, выпрыгнув из джипа. — Где оркестр? Где красная ковровая дорожка? Где хлеб-соль? Почему никто не встречает дорогих гостей?

Ветер сложил губы дудочкой и затрубил. Затем, схватив со стоящего в прихожей кресла пестрый бе-дуинский коврик, швырнул его на крыльцо. Тут и Бабуся подоспела с буханкой хлеба и целой пачкой поваренной соли.

— Милости просим, гости дорогие! — хором проговорили они и поклонились.

Спутница Славы посмотрела на Ветра и Бабусю с некоторым недоумением. Наверняка решила, что они пьяны, раз ведут себя столь глупо. А Егор, с улыбкой наблюдавший за сценой со стороны, уверился в своем предположении относительно того, что барышня у Кравченко новенькая. Те, кто уже бывал на «Ветроудуйке», знали, как его обитатели любят подурачиться.

Славка с серьезной миной взошел на крыльцо, ковырнул хлеб и сунул кусок в рот. Прожевав, отломил еще один.

— Жрать хочу, силушки нет. Ехали без остановок, торопились... — прокомментировал он свои действия. — Затем повел носом и причмокнул: — Кстати, чем так вкусно пахнет?

— Пловом, тушеной картошкой и гуляшом, — ответила Женька.

— О, фирменный Бабусин гуляш! — обрадовался Кравченко. — Неужто?! Тогда пошли скорее...

— Слав, ты бы девушку свою представил, — подал голос Егор.

— О, Барин, и ты тут? Привет! А я думал, вы с Кудряшом уже отмечаете радостное событие. Да, я ведь еще не в курсе, что за событие...

— Мы тоже, — проговорил Егор. — Так как девушку зовут?

— Мое имя Ульяна, — представилась барышня. — Ульяна Мичурина.

— Она писательница, — сообщил Слава. — Сочиняет любовные романы.

— Ой, а я читала ваши книги, — радостно воскликнула Бабуся. — Мне они очень, очень нравятся... Дадите автограф? У меня с собой последний роман.

— С удовольствием, — улыбнулась Ульяна.

От улыбки спутница Кравченко стала сразу очень привлекательной, хотя до того производила впечатление довольно невзрачной барышни. Егор еще подумал, что она совсем не во вкусе Славы. Тому всегда нравились женщины яркие, буквально на грани вульгарности. Чтобы грудь прямо-таки вываливалась, губы атели и обесцвеченные до белизны волосы развевались. Ветер для его пассий даже определение придумал: «шамурки» — сокращенное от «шалавые гламурки».

Ульяна Мичурина под типаж никак не подходила. Ей, похоже, уже за тридцать (а не около двадцати, как Слава любил), она среднего роста, полноватая, одета просто, хоть и в фирменное, без макияжа, с собранными в сложного плетения косу медными волосами.

— Мальчики, тащите еду на стол, я уже все по тарелкам разложила, — скомандовала Бабуся. — А я

провожу Ульяну в комнату, ей наверняка хочется себя с дороги в порядок привести...

И, схватив Мичурину под руку, потащила ее в глубь дома.

— У тебя, Славка, я смотрю, вкусы поменялись, — усмехнулся Ветер, когда женщины скрылись.

— В смысле?

— Ты предпочитал всегда малолетних блондинок с осиными талиями. А писательница старая, толстая и рыжая.

Егор с укоризной посмотрел на Ветра.

— Не, на самом деле она ничего, — поспешил исправиться Сергей. — Мне как раз такие больше нравятся, но по меркам Кравца — явный не формат.

— Тут ты прав, — не стал спорить Слава. — Меня она никак не заводит, хотя баба, бесспорно, интересная.

— Тогда зачем ты ее притащил?

— Сама попросила. — Кравченко прошлепал в кухню и схватил с тарелки кусок мяса. — Дело в том, что мы спелись с ней в Интернете, на сайте знакомств. Я там девочку себе подыскивал, а она попутчиков для путешествия. Причем рвалась барышня не куда-нибудь, а в Дахаб, чтобы познакомиться с кайтерами.

— Зачем?

— Надоело ей любовные романы писать, решила перейти на приключенческие. — Слава засунул в рот еще один кусок, затем тяжело вздохнул и накрыл тарелку крышкой. Чтоб не искушаться больше. — Я написал ей, что так далеко ехать необязательно, можно с нами.

— С нами... — фыркнул Ветер. — Да ты ж на доску встаешь раз в год и сразу с нее падаешь!